

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.14>

Самохин Константин Владимирович

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Анализируется влияние войн на ход политической модернизации России в XVIII - первой половине XX века. С учетом асинхронного характера модернизационных преобразований в Российском государстве доказывается тезис о том, что политический переход Российской империи от традиционного общества к современному в явном виде обозначился только в начале прошлого столетия. До этого момента следует говорить только о политической протомодернизации или предмодернизации. Выявляется особая роль Русско-японской и Первой мировой войн в рамках этих процессов. Определяются особенности российского варианта модернизации в указанный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/14.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 253-263. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Казанцева О. А. Металлические слитки в материалах могильников I-V веков бассейна реки Тулвы // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. № 3. С. 25-33.
7. Останина Т. И. Городище мазунинской культуры около станции Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья: межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1988. С. 65-79.
8. Останина Т. И. Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртия, 1997. 326 с.
9. Останина Т. И. Покровский могильник IV-V вв.: каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 96 с.
10. Перовщиков С. Е., Сабирова Т. М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье (по материалам Тарасовского могильника I-V вв.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 1 (24). С. 71-82.

METAL INGOTS FOUND IN THE MONUMENTS OF THE MIDDLE KAMA REGION OF THE FIRST HALF OF THE 1ST MILLENNIUM A.D.

Sabirova Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in History

Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
lemelon@inbox.ru.

The article examines nonferrous metal ingots made in the Mazunino Age (the III-V centuries A.D.). The paper describes the morphological characteristics of the findings, such as the size, section, weight of particular samples. The author provides the data on the structure of 14 ingots containing all the alloys, which were in use at that time (copper, bronze, two-component and three-component brass). The study helped to clarify the chronological framework for these ingots (the end of the IV – the beginning of the V century) that allows using them as a chronological marker when dating the burials.

Key words and phrases: archaeology; Kama region; metalworking; Migration Period; metal ingots.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 12.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.14>

Анализируется влияние войн на ход политической модернизации России в XVIII – первой половине XX века. С учетом асинхронного характера модернизационных преобразований в Российском государстве доказывается тезис о том, что политический переход Российской империи от традиционного общества к современному в явном виде обозначился только в начале прошлого столетия. До этого момента следует говорить только о политической протомодернизации или преимодернизации. Выявляется особая роль Русско-японской и Первой мировой войн в рамках этих процессов. Определяются особенности российского варианта модернизации в указанный период.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; СССР; политическая модернизация; Русско-японская война; Первая мировая война; «вызов»; абсолютная монархия; дуалистическая монархия; правовое государство; гражданское общество.

Самохин Константин Владимирович, к.и.н., доцент

Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Термин «модернизация», так часто употребляемый десятилетие назад, в последнее время становится все менее популярным [3, с. 92]. Действительно, мода на модернизацию в современных условиях проходит, однако именно это позволяет отвлечься от сиюминутных конъюнктурных веяний и подойти к оценке модернизационной парадигмы и ее потенциальному использованию при осмыслении исторических процессов более объективно, нежели это имело место в Российской Федерации 1990-х гг.

История теории модернизации имеет волновой характер, связанный в первую очередь с ее политической ангажированностью. Как известно, зарождение модернизационного дискурса относят к 60-м гг. прошлого века, что было связано, прежде всего, с желанием американской идеологической машины каким-либо образом обосновать приоритетность западной модели государственности и социума, форпостом формирования которой в тот момент являлись США. Особенно актуальным это было в разрезе выбора дальнейшей стратегии развития странами «третьего мира» в условиях холодной войны [9]. Однако последующие два десятилетия привели к спаду востребованности теории модернизации в связи с неудачами при реализации уже указанной выше стратегии в упомянутых странах [24, с. 133-143].

На последние 15 лет XX века приходится новый всплеск роста популярности модернизационного дискурса, который объясняется определенным изменением понимания самого термина «модернизация», когда «Запад» трактуется как одна из возможных альтернатив при выборе дальнейшего пути для еще немодернизовавшихся стран, к тому же существенно модифицировавшаяся из индустриального в постиндустриальное

общество [30; 31, p. 100-101; 32, p. 26-27], а также появлением парадигмального методологического вакуума в отечественных гуманитарных науках, сложившегося под воздействием масштабных трансформаций российской государственности на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Существенной подпиткой сформировавшихся реалий стали поиски стратегии развития для современной России в начале XXI столетия, в рамках которых термин «модернизация» играл немаловажную роль [19].

На 2010-е гг. приходится волна критики модернизационного дискурса [3; 4; 11], и вместе с тем появляются публикации, в которых доказывается его эвристическая ценность [18; 23; 29], что во многом актуализирует обсуждение этой парадигмы и в нынешнее время, но уже на основе более взвешенной аргументации.

Главными доказательствами критиков теории, вполне справедливыми, на наш взгляд, являются ее применимость в виде своеобразной «кальки» по отношению к российской истории без учета ее своеобразия и специфики, а также внешняя схожесть перехода от традиционного общества к современному с процессами трансформации советских государственности и социума во все то же современное состояние [11, с. 7-9, 16]. Безусловно, российские модернизационные процессы имели свои особенности, сходство традиционного общества с СССР не является даже внешним, а концепт «современное общество» в модернизационной парадигме и в общенаучном дискурсе имеет абсолютно разное понимание. Однако полный отказ от теории модернизации следует считать ошибочным. Для определенных периодов развития России она поможет глубже проникнуть в суть исторической онтологии и более объективно оценить процессы формирования российской государственности и социума.

Основная задача статьи заключается в определении влияния войн на политический переход России от традиционного общества к современному в XVIII – первой половине XX века. Новизной исследования является рассмотрение политической модернизации Российского государства в указанный период в рамках комплексного подхода, а также с учетом воздействия на нее военного фактора.

Для начала определим собственную точку зрения по отношению к теории модернизации и ее применимости при объяснении социальных реалий. На наш взгляд, обозначенная проблема может быть решена следующим образом:

1. Модернизация в классической трактовке (переход от традиционного общества к современному) обладает линейным характером. Она имела место в развитии западноевропейских стран в XVI – начале XX века, а также Российской империи и Советского государства до середины прошлого столетия.
2. Современное понимание модернизации связано с мультилинейностью. Его логично использовать при объяснении процессов в более позднее время.

Тип модернизационного развития, присущий Российскому государству в XVIII – середине XX века, определяется нами как *догоняющий, мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада*, потому чаще всего *волновой*. *Догоняющий* в данном случае означает более позднее вступление Российской империи на путь модернизации по сравнению с государствами-родоначальниками в реализации модернизационной стратегии: в первую очередь имеются в виду Англия и страны Скандинавского полуострова. При этом Россия, для того чтобы их догнать, должна была предпринимать колоссальные сверхусилия, которые инициировались правящей элитой из-за того, что большая часть населения была не готова к подобным трансформациям как в духовном (традиционная ментальность), так и социальном (крепостное право) планах. В этом заключается *мобилизация* российской модернизации. Уже модернизированные или активно модернизирующиеся страны энергично подталкивали остальные государства на свой путь развития, чаще всего насильственным образом, при этом одну из главных ролей играли войны. Последние и являлись *«вызовами» Запада* российской (славянской) цивилизации, «отвечая» на которые Россия была вынуждена предпринимать те самые модернизационные сверхусилия, о которых уже говорилось ранее. Не всегда концепция модернизации имела главенствующее значение в политике российских императоров и руководства Советского государства, потому модернизационные преобразования отличались различной степенью интенсивности на разных этапах развития России. В данном случае логично говорить о сопротивлении российского социума навязанному западной цивилизацией пути, которое имело достаточно причудливые и подчас неожиданные проявления. Последние не редко зависели от особенностей войн, определяющихся различной степенью масштабности (локальная, региональная, континентальная или мировая) и результативностью для российской стороны (победный исход боевых действий или поражение). Все это обусловило *волновой* характер российской модернизации.

Докажем обозначенные выше тезисы на примере политической модернизации России в XVIII – первой половине XX века. Данные хронологические рамки определены тем, что при первых Романовых российский социум еще обладал всеми базовыми чертами традиционного общества: аграрный тип при слабом развитии мануфактурного производства и начальная стадия формирования общероссийского рынка в экономическом плане; интенсивное становление абсолютной монархии в политике; завершение процессов складывания крепостного права в социальном направлении; патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), общинный коллективизм в сочетании с индивидуальными началами в духовной сфере [14; 26, с. 91-102].

Первая же половина прошлого столетия является рубежной при переходе Запада от индустриального общества к постиндустриальному. Исчерпаемость возможностей первого показали мировые войны (особенно Великая война 1914-1918 гг.), потому вторая половина XX века характеризуется уже другими реалиями, что вызвало к жизни мультилинейную трактовку модернизации.

Достаточно дискуссионным моментом является вопрос о начале модернизационных процессов в России [18, с. 16-17; 25, с. 12]. На наш взгляд, в данном случае необходимо учитывать комплексный подход, который

был выработан отечественными мыслителями, в частности В. Г. Хоросом [27, с. 13]. Он заключается в том, что проявления российской модернизации следует рассматривать и анализировать во всех сферах жизнедеятельности общества. При этом следует учесть и то, что они характеризовались асинхронностью (неодновременностью наступления) [15, с. 46]: в первую очередь в России наметился переход от традиционного общества к современному в экономическом плане (в данном случае имеются в виду становление и развитие промышленного переворота с 30-40-х гг. XIX века); в дальнейшем последовала социальная модернизация (ее начало связано с отменой крепостного права); явные модернизационные процессы в политической сфере возможно зафиксировать еще позднее.

Первый опыт модернизаторских усилий Россия получила в XVIII веке. Однако мы полностью солидаризируемся с Б. Н. Мироновым, который считал развитие Российской империи до 30-х гг. XIX столетия предмодернизацией или протомодернизацией [18, с. 17], при этом обозначенный нами асинхронный характер позволяет говорить на этом этапе только об экономике, процессы политического перехода от традиционного общества к современному четко обозначились лишь в начале прошлого века.

Прежде чем обратиться к исторической конкретике, выявим суть понятия «политическая модернизация». В его основе лежит транзит от различных разновидностей антидемократического режима (тоталитаризм и авторитаризм) к демократии, в рамках которого будет меняться наследственный принцип формирования органов государственной власти на выборный. Последний будет основываться на привлечении к выборам широких масс населения. Немаловажную роль будет играть замена консервативной идеологии либерализмом, что приведет к расширению гражданских прав и свобод, увеличению степени их защищенности и гарантированности, а также обусловит равенство людей не только перед законом, но и в ходе реализации своих прав и свобод. В конечном итоге произойдет формирование правового государства и гражданского общества, в рамках которых верховенство закона и интересы отдельной личности станут главными ценностями, а государство будет играть лишь вспомогательную роль при достижении целей, определенных самими гражданами. Это в целом приведет к смене традиционного образа жизни и мышления, имеющих место при консервативной идеологии, на инновационные, являющиеся основой либерализма.

Теперь проведем анализ конкретно исторических процессов, имевших место в Российском государстве XVIII – первой половины XX века, на предмет их соответствия содержанию центральной дефиниции в данной работе – политической модернизации, а также определим роль войн для инициирования политических трансформаций России обозначенного периода в модернизационном ключе.

Складывание предпосылок модернизации Российского государства следует видеть в начале XVIII века. Но они имели преимущественно экономический и частично духовный характер. В экономике стали применяться меры государственного регулирования, в духовном плане менталитет высших слоев населения, и в первую очередь дворянства, подвергся серьезной перестройке. Однако переоценивать эти факты нельзя, поскольку они были лишь только первыми ростками на пути модернизационных преобразований. Во многом реформы Петра I были обусловлены Северной войной, которую Россия вела со Швецией, являвшейся одной из родоначальниц модернизации [8, с. 338]. Реформаторская деятельность первого российского императора либо прямо инициировалась потребностями Российского государства для успешного ведения боевых действий, либо косвенно ими определялась. Северная война в плане масштабности была локальным конфликтом, боевые действия велись с переменным успехом, но итоговая победа, после которой Россия была провозглашена империей, во многом не дала полноценно развиваться модернизационным процессам.

В доказательство следует отметить тот факт, что если экономические (частичное упорядочение налоговой системы [13, с. 288-293], существенный рост мануфактурной промышленности, протекционистские меры и политика меркантилизма [21, с. 491]) и духовные (европеизация образа жизни дворянского сословия, осуществляемая через введение одежды европейского покроя, ассамблей и обязательный процесс обучения [Там же, с. 547-548]) предпосылки модернизации стали намечаться, то в политической сфере реформы Петра I имели прямо противоположный вектор.

Преобразования системы государственного управления, проведенные первым российским императором и детерминированные Северной войной, можно разделить на три направления. Первые два – создание Сената в 1711 г. [Там же, с. 442] и коллегий [13, с. 186; 21, с. 443-447] – были обусловлены частыми отлучками царя из столицы, что объясняется желанием Петра I лично руководить боевыми действиями. Причем центральные отраслевые органы управления во многом были организованы по шведским и датским образцам. Более того, Северная война внесла серьезные коррективы и в темпы проведения этих реформ. Прообразы будущих коллегий стали появляться в 1712 г. в первую очередь для обеспечения армии и флота, но из-за нехватки времени будущий император занимался данным вопросом эпизодически, потому к дальнейшему формированию указанного политического института Петр смог приступить не ранее 1715 г. О полноценном же функционировании коллегий стоит говорить лишь только к окончанию его правления.

Третье направление – губернская реформа – имело не столько административное, сколько фискальное значение, так как в качестве основной цели предполагало содержание армии и флота. Как известно, территория вновь образовавшейся империи первоначально включала в себя восемь губерний, позже их число было увеличено до 10. Каждая из губерний создавалась для расквартирования гарнизонов, что фактически означало выполнение местным населением постоянной повинности. При этом оно должно было выплачивать еще и подушную подать, которая шла на обеспечение нужд рекрутов. В дополнение следует сказать, что пять из созданных губерний, располагаясь близко к морю, были предназначены для содержания флота [13, с. 210-214]. Эти трансформации способствовали не столько формированию правового государства, гражданского общества

и демократизации политического строя, сколько последующему оформлению абсолютной монархии и авторитарного режима, потому о политической модернизации в первой четверти XVIII века говорить не приходится.

В дальнейшем общий вектор развития Российской империи в политическом плане в целом сохранился, приобретая более презентабельный фасад в виде идеологии «просвещенного абсолютизма»: «Словом, все шло, как раньше: с размахом, энергично, с твердой уверенностью в непоколебимости начал, заложенных Петром» [2, с. 63]. В данном случае следует говорить об определенном модернизационном импульсе Северной войны, поскольку практически все преемники Петра I так или иначе декларировали свою приверженность петровскому курсу, за исключением, пожалуй, двух его внуков [1, с. 102-106, 186-187, 205, 251, 277, 314, 360-361, 392-393; 2, с. 62-63, 159, 272-273]. При этом многочисленные внешнеполитические конфликты, в которых участвовала послепетровская Россия XVIII века, не сравнимы с Северной войной по уровню своего влияния на развитие Российского государства. Самым значимым из них, в котором противниками Российской империи выступали западноевропейские государства, была Семилетняя война, однако весь ее победоносный ход не предполагал необходимости каких-либо внутривнутриполитических реформ (русско-турецкие войны в данном случае учитывать нельзя, поскольку Османская империя на тот момент была государством традиционного типа, кроме того, их победный итог для российской стороны при осуществлении модернизационных преобразований имел аналогичное с войной 1756-1763 гг. значение).

Преемники первого российского императора продолжили курс на последующее развитие абсолютной монархии. При этом Петр I «подложил мину» под дальнейшее укрепление самодержавной власти, издав в 1722 г. Указ о престолонаследии. Однако его появление следует оценивать двояко. С одной стороны, он действительно породил «императорскую чехарду», когда в эпоху «дворцовых переворотов» за 37 лет на престоле сменилось 6 верховных правителей в России. Но, с другой стороны, непрерываемая воля императора, который имел возможность и после своей смерти определять дальнейшее политическое развитие государства через назначение наследника, играла для усиления неограниченной власти монарха немаловажную роль.

Изменения в системе центральных органов управления в рамках тенденции «Сенат – Верховный тайный совет – Кабинет министров – Конференция и Сенат» кардинальным образом не трансформировали форму государства в России. Во многом эти преобразования были обусловлены сиюминутными условиями, а не связывались с желанием императриц (Екатерины I, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны), их фаворитов или ближайшего окружения существенно поменять систему управления страной [2, с. 87, 278]. Как об особом случае в данном аспекте следует говорить об условиях восхождения на престол племянницы Петра I, которое, как известно, сопровождалось санкционированием ею «кондиций», призванных серьезным образом ограничить самодержавную власть. Однако подписывался этот документ в пользу членов Верховного тайного совета, который в тот момент определенно являлся аристократическим органом управления. Следует добавить, что итог этой попытки ограничить абсолютную монархию оказался провальным, потому общий вектор в политическом развитии Российского государства не изменился [Там же, с. 87, 182-183].

Свою особенность в указанном тренде имели и правления Елизаветы Петровны, а также, конечно, Екатерины II: речь в данном случае идет о первых попытках идеологически обосновать свои царствования. Но характер формирования идеологии у каждой из этих императриц отличался так же, как вся эпоха «дворцовых переворотов» – от руководства страной Северной Семирамидой. В данном случае имеется в виду тот факт, что идеологическая подоплека правления дочери Петра была во многом спонтанной, хаотичной и стихийной, в то время как Екатерина II осуществляла во многом эти действия целенаправленно и планомерно. Это выразилось в написании знаменитого Наказа для Уложенной комиссии, в котором обосновывались принципы «просвещенного абсолютизма». Несмотря на то, что одним из главных источников данного документа было произведение Ш. Л. Монтескье «О духе законов», императрица не положила во главу угла для составления законов принцип «естественного права» и теорию «общественного договора», более того они были попросту ею проигнорированы. Другим доказательством целенаправленности и планомерности формирования идеологии при Екатерине II явилась переписка, которую императрица вела с известнейшими философами XVIII века. Прекрасно понимая, с какими людьми она обменивается письмами и какое влияние просветители имеют среди образованной части населения Европы, а также их потенциальное воздействие на мнение потомков, Северная Семирамида всеми силами создавала выгодный для себя образ «просвещенной монархини», которая действует в соответствии с идеей «блага народа».

Губернская реформа 1775 г. также способствовала дальнейшему укреплению абсолютизма. Данное преобразование обусловило унификацию управления на всей территории Российской империи, при этом имело место укрепление бюрократического аппарата во главе с неограниченной властью монарха. Здесь стоит говорить о дальнейшем перераспределении власти между центром и регионами, когда последние получили больше самостоятельности, однако она имела крайне ограниченный характер в силу строгой регламентации из-за жестких подчинения и подотчетности главы губернии императрице [10, с. 429]. Нельзя забывать в этом случае и об институте генерал-губернаторства, который стал дополнительным средством контроля центральной власти над органами местного управления.

Иногда историки пытаются разглядеть зачатки складывания правового государства в период правления Екатерины II, когда существующий политический режим ограничивал себя определенным комплексом норм и правил [Там же, с. 457] в рамках обоснования «просвещенного абсолютизма». Весомым аргументом в пользу такой позиции может стать проведение Екатериной II судебной реформы, которая являлась составной частью трансформации органов местного управления. В рамках данного преобразования был создан

сословный суд, состоявший из трех инстанций, которые давали возможность для развития института апелляций. Однако эти изменения в системе судопроизводства во много нивелировались тем фактом, что именно с XVIII века в Российском государстве единственным источником права являлся закон, а единственным законодательным субъектом был император, который совмещал функции всех трех властей [17, с. 389-391]. Более того, идея первенства дворянского сословия над остальными, ставшая краеугольной при составлении Наказа Екатериной II, не позволяет говорить о равноправии для населения Российской империи. Иными словами, если правовое государство и начало каким-либо образом себя проявлять, то эту тенденцию стоит оценивать исключительно как зачаточную, поскольку абсолютная монархия еще пока не давала практически никаких возможностей без своих желания и инициативы себя законодательно ограничивать.

Следующей крупномасштабной внешнеполитической акцией Российской империи стали наполеоновские войны и в их рамках – Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход русской армии 1813-1814 гг. Данные конфликты носили континентальный характер, а их результативность для России, победная в итоге, была очень сомнительной в ходе развития событий. Франция к тому моменту уже успела сделать заметные успехи на пути модернизации, потому указанные факты внешней политики России следует рассматривать как очередной «вызов» славянской (российской) цивилизации, толкавший ее на дальнейшие модернизационные преобразования. Нельзя не видеть определенного сходства в плане текущей и итоговой результативности между Северной войной и Отечественной войной 1812 г. В ходе обеих на начальном этапе Российское государство терпело достаточно ощутимые поражения, закончились они весьма громкими победами для российской стороны, но влияние этих внешнеполитических конфликтов на ход модернизационных процессов в Российской империи было различным. Дело в том, что к XIX веку Россия уже прошла определенный, пусть и подготовительный, отрезок на пути модернизации, потому такой острой необходимости в модернизационной трансформации различных сфер жизнедеятельности общества, как в петровское время, уже не было.

Традиционно царствование Александра I принято делить на 2 периода. Первый, охарактеризованный А. С. Пушкиным как «дней Александровых прекрасное начало», во многом продолжает политику «просвещенного абсолютизма», заложенную Екатериной II. Основные преобразования, проведенные на этом этапе, в большей степени являются внешними, косметическими, декоративными, не принесшими для России каких-либо кардинальных изменений, несмотря на намерения императора направить Российскую империю на путь установления конституционной монархии. Именно в таком плане следует оценивать министерскую реформу 1802 г., указ «о вольных хлебопашцах» 1803 г., реформу образования, начатую в 1802-1804 гг., и нереализованный проект реформ М. М. Сперанского. Однако и второй период, нередко именуемый «карачеевщиной», в данном плане никаких существенных модификаций в политический строй Российского государства также не привнес: более того, либеральная направленность первых лет правления Александра была сменена консервативным курсом, олицетворением которого стала организация военных поселений. Победное окончание Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии не подталкивали императора к модернизационным преобразованиям, что подкреплялось его уверенностью в том, что именно самодержавный строй, сложившийся в России, и позволил эту победу одержать.

В первой половине XIX столетия наметилась еще одна тенденция, существенно влиявшая на переход Российской империи от традиционного общества к современному: общественное движение (отечественное или зарубежное) до начала прошлого века значительно замедляло ход модернизационных процессов. Так, в рамках наполеоновских войн Россия получила территориальные приобретения в виде герцогства Варшавского и Финляндии, которые приобрели статус автономии при наличии собственного законодательства и представительных органов [12, с. 210-211; 20, с. 265]. Однако на изменении формы государства в рамках всей Российской империи это практически никак не сказалось. Более того, в итоге польского восстания 1830-1831 гг. Царство Польское перешло к одинаковому положению со всеми губерниями России [20, с. 174-170, 184-187].

Следует заметить, что после Заграничного похода русской армии актуализировался вопрос о введении в России конституционной монархии, однако дальше создания проекта Н. Н. Новосильцевым дело не пошло. Сама «Уставная грамота Российской империи» была написана с учетом основных достижений тогдашней европейской политической мысли: теории «разделения властей», принципа федерализма и т.д. Но именно эта либеральность и привела к тому, что конституционные реформы в Российском государстве рассматриваемого периода так и остались на бумаге, не получив практической реализации. Одной из главных причин в данном случае историками называется отсутствие соответствующей социальной основы для подобных преобразований. Это в очередной раз подтверждает тезис о том, что подавляющая часть населения России не видела необходимости в модернизационном развитии, что существенно замедляло его течение.

Еще одно последствие Заграничного похода заключалось в том, что он способствовал возникновению и активизации декабристского движения, а оно, как известно, сыграло немаловажную роль при формировании внутривластного курса Николаем I. В данном случае следует выделить два аспекта. С одной стороны, император во время допросов декабристов смог познакомиться и осознать основные проблемы, наметившиеся в государстве к тому моменту, что привело в дальнейшем к его преобразованиям в экономической (финансовая реформа Е. Ф. Канкрин), социальной (реформа государственной деревни П. Д. Киселева) и законодательной (кодификация российского права под руководством М. М. Сперанского) сферах. С другой стороны, движение декабристов предопределило реакционные очертания внутренней политики Николая, символом которых стала Его Императорского Величества Канцелярия, а конкретно – ее Третье отделение, что свидетельствовало о складывании еще одной тенденции в рамках политического развития Российского государства – бюрократизации. Приведенные факты доказывают сформулированную ранее обратную взаимозависимость развития общественного движения и модернизационных процессов в Российской империи.

Особо хочется остановиться на одном из важных направлений в ходе политической протомодернизации в России – кодификации российского законодательства, проведенной под руководством М. М. Сперанского. Вторым отделением Его Императорского Величества Канцелярии была проделана поистине титаническая работа, когда все существующие в России нормативно-правовые акты, изданные начиная с 1649 г., были объединены и структурированы в «Полном собрании законов Российской империи». В дальнейшем они были переработаны с учетом актуальности для вновь сложившихся в государстве социальных, экономических и политических отношений, а также с опорой на достижения тогдашней европейской юридической практики. Все подобные усилия можно трактовать в русле уже упомянутой выше концепции А. Б. Каменского, когда абсолютная монархия ставила себя в определенные законодательные рамки, но переоценивать значимость данного процесса нельзя.

Очередным, и на этот раз более серьезным «вызовом» славянской (русской) цивилизации на пути модернизационных преобразований стала Крымская война. Она явилась одной из главных причин начала социальной модернизации России, в первую очередь связанной с отменой крепостного права, но политический переход Российского государства от традиционного общества к современному по-прежнему еще находился в подготовительной стадии. Указанный внешнеполитический конфликт имел региональный масштаб, и, несмотря на то, что его называют еще и русско-турецкой войной, в качестве основных противников Российской империи следует видеть не столько Турцию, сколько Великобританию и Францию, а позорный проигрыш по итогам боевых действий заставил существующую власть серьезно призадуматься над причинами этого поражения.

Отмена крепостного права породила целую серию либеральных реформ 60-70-х гг. XIX века, среди которых следует особо выделить с учетом поставленной цели в данной статье судебную и земскую реформы 1864 г., а также издание Городового положения в 1870 г.

Если говорить о судебной реформе, то необходимость коррекции принципов институциональной основы российского суда, которая оформилась при Екатерине II, стала ощущаться еще в период правления Александра I, однако никаких серьезных изменений в этой сфере в первой половине XIX века так и не было произведено. Во многом именно крестьянская реформа 1861 г. стала тем самым импульсом, который способствовал трансформации органов судопроизводства в 1864 г. По итогам проведенных преобразований Россия получила бессловесный гласный независимый от администрации окружной суд присяжных. Это стало еще одним подготовительным шагом на пути политической модернизации в России. Благодаря анализируемой реформе еще более повысилась роль закона в управлении, что стало возможным из-за отделения суда от администрации [17, с. 405]. Однако этот процесс был существенно скорректирован развитием общественного движения, которое себя явно проявило через террористическую деятельность, когда покушения совершались, в том числе и на Александра II, и на его преемника. В итоге 1866 г. (выстрел Д. В. Каракозова) существенно изменил либеральную направленность политики царя-освободителя, а убийство последнего во многом предопределило реакционный курс Александра III.

По отношению к судебной реформе это означало введение новелл, которые в целом отрицательно повлияли на ее либеральный характер, когда, к примеру, из функций судов общей юрисдикции было изъято рассмотрение дел о литературных и государственных преступлениях. В дальнейшем последовали судебные «контрреформы» уже при Александре III, осуществленные при помощи указов 1885, 1887 и 1889 гг. Последние модифицировали консервативным образом принцип несменяемости судей, гласность судебных заседаний, компетенцию суда присяжных.

Земская реформа 1864 г. может рассматриваться как один из шагов на пути построения гражданского общества в России. В ходе ее проведения создаваемые органы местного самоуправления должны были формироваться на основе куриальных выборов, что фактически означало их всеобщность. Они были призваны решать вопросы народного просвещения, оказания медицинской помощи, развития сельского хозяйства, торговли и промыслов, а также удовлетворения нужд местного населения, проживавшего в уездах и губерниях. Здесь же стоит отметить «реставрацию» университетской автономии по уставу от 1863 г., а также введение принципа гласности для прессы согласно цензурному уставу 1865 г. Но покушение Каракозова сказалось и на этом направлении. В частности, Городовое положение, введенное в 1870 г., уже обладало менее выраженным либеральным характером. Принцип всеобщности при выборах в городские думы был нарушен, так как основывался на прусской классовой системе. Самостоятельность органов городского управления также была более ограниченной, по сравнению с земствами.

Да, общественное движение (особенно либеральное) получило дополнительный импульс для своего развития в рамках земской реформы, но, по сути, форму государства либеральные преобразования Александра II практически не изменили, а с учетом усиления цензуры в 1882 г., сокращения университетской автономии в 1884 г., Положения о земских участковых начальниках 1889 г., перегруппировки сил в органах земского и городского самоуправления согласно изменению избирательных цензов по положениям 1890 и 1892 гг. можно говорить о консервации самодержавных начал в Российской империи. Тем не менее, Б. Н. Миронов подытожил правление Александра III следующим образом: «Таким образом, при Александре III развитие государственности в сторону правового государства с конституцией и парламентом затормозилось. Однако консервативный политический курс не изменил ни характера русской государственности, ни главной тенденции ее развития – государство продолжало эволюционировать, хотя и медленнее, чем в предшествующее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество – в сторону гражданского общества» [Там же, с. 411]. Однако здесь вновь следует обратиться к тезису о том, что переоценивать значимость данных процессов не стоит (учитывая то, что они не приобрели устойчивого характера): в большей степени

мы согласны с мнением В. П. Булдакова: «“Перекося” между управлением и самоуправлением стал очевиден, но попытки государства выработать оптимальное (вновь для самого себя) соотношение между управлением и самоуправлением приводили к появлению декоративных городских и земских институтов. Иными они не могли и быть: во второй половине XIX в. самоуправленческие низы были, по преимуществу, материально несамостоятельными. И вся последующая бюрократическая политика вела к упрочению государственно-патерналистских начал» [3, с. 84-85]. Кроме того, большая часть населения (в данном случае имеется в виду крестьянство) оказалась слабо задействованной в деятельности земских, и уж тем более городских, органов местного самоуправления: «...круг интересов крестьянского самоуправления редко выходил за пределы сельских обществ и волостей» [6, с. 110].

Таким образом, развитие Российской империи XVIII-XIX веков следует расценивать в большей степени как подготовительный этап к политическому переходу России от традиционного общества к современному. Основным доказательством этого тезиса служит положение о том, что сложившаяся при Петре I абсолютная монархия очень слабо эволюционировала в сторону формирования правового государства и гражданского общества. Чаще всего это проявлялось во внешних («декоративных») модификациях, которые слабо влияли на трансформацию в целом формы правления и политического режима Российского государства.

На заре XX века ситуация стала существенным образом меняться. Одной из причин явилась Русско-японская война 1904-1905 гг. Япония начала прошлого столетия встретила уже модернизированным государством благодаря реставрации Мэйдзи. Основным итогом последней стало то, что Японская империя вступила в круг ведущих индустриально развитых стран Запада, потому конфликт с ней следует расценивать как очередной «вызов» модернизационным преобразованиям в России со стороны западной цивилизации.

Русско-японская война носила локальный характер, но поражение, которое потерпела огромная по своим географическим масштабам Российская империя от «маленькой» Японии, стало одной из причин, вызвавших Первую русскую революцию. Здесь следует заметить, что тенденция обратной взаимозависимости развития общественного движения и модернизационных процессов в России приобрела прямо противоположный характер. Первая русская революция не столько тормозила, сколько давала мощный толчок для трансформаций Российского государства на пути перехода от традиционного общества к современному, в том числе и в первую очередь в политической сфере.

Российская империя осуществляла преобразования, которые затронули основы ее политического строя. Начало было положено созданием «Булыгинской Думы», которая так и не приступила к работе. Это объяснялось, прежде всего, наличием лишь только законосовещательных функций в ее полномочиях, что было предметом для определенного разочарования у многих представителей тогдашнего российского общества.

Дальнейший ход событий привел к тому, что под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки было осуществлено издание «Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. [16, с. 427; 22, с. 54-55]. В итоге это детерминировало организацию Государственной Думы, и хотя Николай II хотел избежать использования в этом документе так ненавистного ему слова «конституция», «чтобы сохранить иллюзию самодержавия», он «прекрасно разбирался в существе сделанных им уступок» [22, с. 54-55]. Эти факты, безусловно, важны для обозначения формы правления, сложившейся в России после революции 1905-1907 гг. В качестве определенного противовеса появившемуся законодательному органу был сформирован Совет министров как единый орган управления, ответственный непосредственно перед императором. Вряд ли можно согласиться с тем, что вновь созданное правительство существенно ограничивало власть императора в исполнительной сфере, но соответствующий вектор развития в данном направлении оно задавало.

Эти преобразования получили юридическое закрепление через издание Основных государственных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г. (в дальнейшем анализ Основных государственных законов будет производиться по тексту, приведенному на сайте МГУ им. М. В. Ломоносова с учетом поправок, указанных во введении к нему) [5]. Споры о роли данного документа для политического строя России начала XX века имеют принципиальный характер, поскольку мнения разнятся, доходя до крайностей: от конституции – преимущественно в дореволюционной и современной историографии – до лжеконституции – в основном в советский период [17, с. 412]. Устоявшейся точкой зрения в теории и истории отечественного государства и права стала та, что Российская империя приобрела черты дуалистической монархии – переходной модели от абсолютной к парламентарной. Конечной цели политическая модернизация при таком раскладе не достигла, но эти изменения следует признать существенными, что свидетельствует о начале явного перехода России от традиционного общества к современному в политическом плане.

Аргументировать высказанный тезис можно следующим образом. Во-первых, название первой главы Основных государственных законов – «О существе верховной самодержавной власти» – наводит на мысль о том, что Николай II всеми силами стремился к сохранению внешнего антуража неограниченности своей власти. Однако само слово «неограниченный» уже не встречается в статье 1 новой редакции Законов, в отличие от предыдущих [22, с. 178]. Во-вторых, анализируемый документ написан в русле принципа разделения властей, что означает определенные ограничения полномочий императора в законодательной сфере. При этом верховный правитель Российского государства сохранял право законодательной инициативы, а также обладал прерогативой окончательного утверждения законов (статьи 8, 9). Нельзя не упомянуть и о наличии законодательного вето у императора, но оно, согласно статье 112 из главы 10, могло быть преодолено Государственной Думой уже во время следующей сессии. В дополнение ко всему правитель России обладал единоличным «почином» в рамках процесса пересмотра Основных государственных законов (статья 8 из главы 1).

И, наконец, император по статье 87 получил возможность принимать чрезвычайные постановления во время перерывов между сессиями Думы. Также следует отметить еще одну функцию российского парламента, когда он пусть и при существенных ограничениях все-таки приобрел право обсуждать и утверждать государственный бюджет (статьи 114-118 из главы 10).

Содержание главы 11 подтверждает высказанный выше тезис о том, что полномочия императора практически никак не ограничивались в сфере исполнительной власти. Так, в статье 123 можно увидеть положение о непосредственной ответственности перед верховным правителем России высших должностных лиц из Совета министров. Более того, Николай II и его потенциальные преемники могли назначить их, игнорируя мнение членов нижней палаты российского парламента. Здесь же следует напомнить и о праве императора, согласно статье 105, в любой момент распустить Государственную Думу.

Судебная власть, исходя из статьи 22, «осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Императорского Величества». Однако в статье 17 фактически подтверждался с согласия Николая II принцип несменяемости судей, имевший место в Российской империи, начиная со второй половины XVIII века [16, с. 457-458].

Для полноты картины, стоит указать и на определенные противоречия в рамках процесса усиления правовой защищенности российского народа. С одной стороны, глава 8 «О правах и обязанностях российских подданных» действительно предоставила им широкий круг прав и свобод, но при этом последние ограничивались или уже принятыми ранее, или впоследствии изданными временными правилами, указами, положениями и постановлениями (например, Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., Положение о паспортах и видах на жительство 1895 г., указы «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г., «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. и др.).

Такой, относительно подробный анализ Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., на наш взгляд, необходим для определения формы государства, сложившейся в Российской империи в ходе и после Первой русской революции. Он свидетельствует о достаточно противоречивых тенденциях в рамках процессов государственного строительства Российского государства в начале XX века, что не позволяет примкнуть ни к одной из крайних точек зрения по поводу формы правления в России указанного периода. Потому положение о наличии в Российской империи дуалистической монархии, согласно упомянутым выше Законам, вполне оправданно. Это полностью укладывается в нашу концепцию об асинхронности модернизационных процессов Российского государства, согласно которой качественный сдвиг для инициирования его политического перехода от традиционного общества к современному наметился лишь только в начале прошлого столетия.

Выше уже говорилось о том, что модернизационная стратегия развития Российскому государству была навязана, потому ее формирование характеризовалось волновым характером, когда имело место определенное сопротивление российского социума модернизационным преобразованиям. Именно в таком разрезе следует расценивать последующие события. Связаны они с Первой мировой войной, которая стала определенным индикатором, показавшим необходимость дальнейших трансформаций не только для России, но и для стран Западной Европы. Она явилась настолько мощным «вызовом» российской (славянской) цивилизации, что та в своем сопротивлении двинулась по отклоняющемуся пути, выразившемуся в создании советского идеократического государства. Непосредственная обусловленность революционных событий 1917 г. Великой войной 1914-1918 гг. является крайне дискуссионным моментом в отечественной исторической науке, однако их связь между собой мало кем отрицается, потому, чаще всего, Первая мировая война определяется как катализатор Февральской и Октябрьской революций [28, с. 531-557]. Таким образом, тенденция влияния общественного движения на модернизационные процессы, наметившаяся в XIX веке, в третий раз изменила свой вектор: если в начале прошлого столетия обусловленность развития модернизации революционными событиями оценивалась нами как усиливающая, то теперь направленность перехода России от традиционного общества к современному под воздействием революционных потрясений 1917 г. следует трактовать как отклоняющуюся. Докажем этот тезис на основе исторической конкретики.

Ход политического становления и формирования Советского государства получил детальную разработку в отечественной (и не только) историографии во второй половине 1980-х – 1990-е гг., потому мы выделим его характерные черты, представляющие наибольшую значимость для нашего исследования. Последним проявлением возможной демократической альтернативы в развитии Советского государства стала двухдневная история Учредительного собрания (5-6 января 1918 г.). Отклонения Российского государства от наметившейся ранее политической направленности в сторону правового государства и гражданского общества заключались в складывании на первых порах авторитарного режима. Свою роль в данном случае сыграли условия, в которых оказалось большевистское правительство в период Гражданской войны, когда требовался жесткий стиль руководства для победы в этом внутреннем конфликте. Но большее значение здесь имели центральные пункты программы-максимум большевиков, которые предполагали осуществление мировой пролетарской революции и формирование коммунистического общества в планетарном масштабе.

Установление авторитарного режима на рубеже 1910-1920-х гг. шло в первую очередь через складывание однопартийной системы, в ходе которого кадеты были объявлены «партией врагов народа», после чего они были вынуждены перейти на нелегальное положение. Противостояние между большевиками, меньшевиками и эсерами в итоге завершилось победой первых и прекращением деятельности последних. Это было продолжено трансформацией к тоталитарным основам как итогу внутрипартийной борьбы 1920-х гг.

и установлению режима личной власти Сталина, когда были подавлены любые проявления оппозиции: от «новой» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым до «правой», которая руководилась Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и М. П. Томским.

Все это шло на фоне развивающегося национально-государственного строительства. И если в первой половине 1920-х гг. вопрос о форме государственного устройства еще дискутировался: доказательством тому были планы «федерализации» В. И. Ленина и «автономизации» И. В. Сталина, то в четвертом десятилетии прошлого столетия любая неоднозначность в решении этой проблемы была пресечена – федеративные начала при образовании СССР в результате модифицировались в унитарное государство.

Тоталитарный строй, сложившийся в 1930-е гг., проявлялся через «культ личности» Сталина, окончательное сращивание партийных и государственных органов, а также формирование системы общественных организаций (в первую очередь профсоюзы и Комсомол), которые контролировали жизнь советских граждан начиная с раннего школьного возраста и заканчивая выходом на пенсию. Фундаментом идеологического давления на общество в это время стали массовые репрессии.

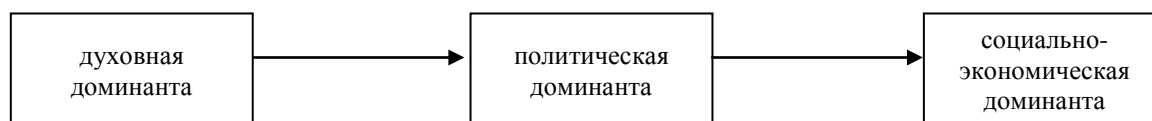
Представленная выше картина разительно отличается в своих основах от итога политической модернизации, намечившегося в западных странах, – гражданского общества и правового государства. Вряд ли здесь можно говорить о прямо противоположной тенденции перехода России от традиционной модели социума к современной (очевидно, что намечилось антидемократическое развитие политического устройства), поскольку в модернизационных процессах СССР экономического и социального плана намечился мощный рывок, имевший, конечно же, свои особенности, не всегда совпадающие с характерными чертами Запада как образца и итога модернизационных преобразований. Потому в данном случае мы и делаем вывод об отклоняющемся варианте модернизации.

Вторую мировую войну нередко определяют как логическое продолжение Первой [7, с. 28]. И здесь таится не только их внешнее сходство: мировой масштаб; практически одинаковый состав участников с обеих сторон; использование новых видов вооружения; массовые жертвы и падение ценности человеческой жизни; инициирование боевых действий и итоговое поражение Германии и ее союзников; машинный характер, так сильно влияющий на психику и менталитет людей; неподготовленность и, как следствие, колоссальное сверхнапряжение усилий для победы со стороны России. В данном случае мировые войны имели и внутреннее тождество, которое проявлялось, на наш взгляд, в том, что они стали индикаторами развития мировой истории. Они показывали необходимость вступления общества в новую фазу своего формирования. Если Великая война 1914-1918 гг. обнаружила исчерпаемость потенциала при развитии индустриального общества, то Вторая мировая война четко определила становление постиндустриального и начало нового процесса – глобализации. Потому говорить о модернизации классического типа во второй половине XX века вряд ли представляется корректным.

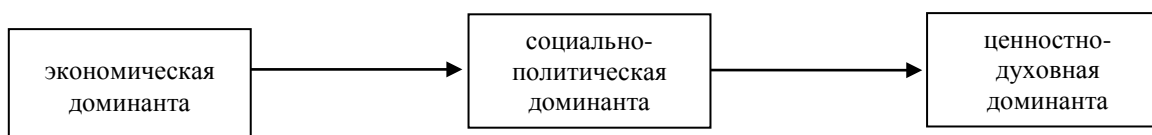
Советское государство, победив в Великой Отечественной войне, пошло по пути продолжения тенденций, намечившихся в 20-30-е гг. прошлого столетия. Тоталитарный политический режим сменился авторитаризмом, по сути, мало чем отличавшимся от первого. В любом случае, в сторону конечного итога политической модернизации СССР в послевоенный период так и не двинулся. В современное время говорить о необходимости окончания модернизационных процессов в классическом плане для России означает стремление сформировать основы индустриального общества, т.е. образца столетней давности, что, естественно, уже давно не актуально. В итоге это и приводит к появлению новых теоретических конструктов в рамках модернизационной парадигмы в целом и для Российского государства в частности. Но их анализ в задачи, поставленные в рамках данной статьи, не входит.

Таким образом, модернизация в классическом понимании как историческая парадигма имеет серьезный теоретический потенциал для осмысления процессов, имевших место в развитии России в XVIII – первой половине XX века. Основными тенденциями модернизационного дискурса в этом случае являются:

а) догоняющий тип, определенный более поздним периодом становления модернизационной стратегии развития в Российском государстве по сравнению с Англией и Скандинавскими странами: если для последних – это XVI век, когда стал меняться в первую очередь менталитет широких слоев населения под воздействием Возрождения и Реформации, то для Российской империи – 30-е гг. XIX столетия, на которые приходится начало промышленного переворота. Общий тренд модернизации для Западной Европы имел при этом следующий вид:

Для России же в данном случае следует наметить такой мейнстрим:

б) мобилизация, выразившаяся в сверхусилиях Российского государства, детерминированных волей политической элиты в силу неготовности основной массы населения к модернизационным преобразованиям: все изменения в русле модернизации инициировались руководством страны, будь то российскими императорами или советскими партийными лидерами; россияне в большинстве своем (особенно в XVIII и первой половине XX века) нередко воспринимали негативно или относились индифферентно к проводившимся реформам;

в) обусловленность «вызовами» Запада, в качестве которых выступали войны, поскольку в явном виде вскрывали отставание России от западных держав во всех сферах жизнедеятельности общества, являясь катализаторами модернизационных процессов: чем масштабнее был международный конфликт и чем негативнее были его последствия для российской стороны, тем более значимыми были проводимые реформы в русле модернизации;

г) волновой характер, имевший место из-за сопротивления российского социума навязываемому западной цивилизацией модернизационному пути, которое выразилось в асинхронности (неодновременности) начала экономической, социальной, политической и духовной модернизации. Так, политический переход России от традиционного общества к современному наметился лишь только в начале прошлого столетия, в то время как экономический и социальный определились, соответственно, в 30-е и 60-е гг. XIX века. В целом обозначенная асинхронность предопределила длительность и проблематичность протекания модернизации в Российском государстве и, как следствие, ее незавершенность.

Список источников

1. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. Изд-е 4-е. М.: Молодая гвардия, 2005. 426 с.
2. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725-1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
3. Булдаков В. П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2016. № 4. С. 76-96.
4. Буховец О. Г. «Государство-партия» в современной России // Российская многопартийность и российские кризисы XX-XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. С. 34-51.
5. Высочайше утвержденные Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/apr1906.htm> (дата обращения: 04.08.2018).
6. Двухжилова И. В. Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.): монография. Тамбов: Юлис, 2003. 140 с.
7. Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великие войны XX века и российская государственность // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2000. № 3 (19). С. 28-34.
8. История Средних веков: учебник: в 2-х т. / под ред. С. П. Карпова. Изд-е 5-е. М.: Изд-во Московского ун-та; Наука, 2005. Т. 2. Ранее новое время. 432 с.
9. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения» [Электронный ресурс] / Институт общественного проектирования. URL: <http://www.inor.ru/reading/page68/> (дата обращения: 17.07.2018).
10. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
11. Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6-26.
12. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль; Редакция литературы по истории СССР, 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. 476 с.
13. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. 668 с.
14. Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
15. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56.
16. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь, 1995. 550 с.
17. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
18. Миронов Б. Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 16-24.
19. Модернизация России и Европа (стенограмма Круглого стола) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 17.07.2018).
20. Олейников Д. И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с.
21. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
22. Пайпс Р. Русская революция: в 3-х кн. М., 1994. Кн. 1. Агония старого режима (1905-1917). 399 с.
23. Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36-46.
24. Побережников И. В. Теории модернизации // Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 133-152.
25. Побережников И. В. Человеческий потенциал российской имперской модернизации // Человек в условиях модернизации XIX-XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург: ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 11-16.
26. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 416 с.
27. Российская модернизация: проблемы и перспективы: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39.
28. Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 564 с.

29. Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 336 с.
30. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1-29.
31. Huntington S. P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: a Reader* / ed. by L. Crovers and Ch. Lockhart. N. Y.: St. Martin's Press, 2016. P. 99-118.
32. Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / ed. by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore, 2015. P. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.

WARS IN THE HISTORY OF POLITICAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN STATE OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Samokhin Konstantin Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
kon-sam@yandex.ru

Wars influence on the course of political modernization of Russia in the XVIII – the first half of the XX century is analysed. Taking into account the asynchronous nature of modernization reforms in the Russian state, the thesis is proved that the political transition of the Russian Empire from the traditional society to the modern one had got clear manifestation only by the beginning of the last century. Up to that moment one should speak only about political proto-modernization or pre-modernization. The special role of the Russo-Japanese and the First World Wars in the framework of these processes is revealed. The author determines the features of the Russian variant of modernization in the specified period.

Key words and phrases: The Russian Empire; The USSR; political modernization; The Russo-Japanese War; The First World War; “challenge”; absolute monarchy; dual monarchy; constitutional state; civil society.

УДК 93/94; 314.122.62

Дата поступления рукописи: 24.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.15>

В статье на основе анализа общественного дискурса Горного Алтая выявляются представления этнонациональной элиты о путях развития аборигенного сообщества, об элементах, составляющих основу идентичностей алтайцев. Автор рассматривает работу членов Алтайской Горной думы по формированию этнонациональной идеологии. Образы прошлого, сформулированные в ходе работы органов местного самоуправления, создают представления этнонациональной элиты о социокультурном развитии алтайцев и становлении идей, связанных с концептом НАСЛЕДИЕ.

Ключевые слова и фразы: этнополитический дискурс; этнонациональная элита; социокультурная модернизация алтайцев; образы прошлого; этническая идентичность.

Самушкина Екатерина Викторовна, к.и.н.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
khakassie@yahoo.com

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АБОРИГЕННОГО СООБЩЕСТВА (1917-1918 ГГ.)

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 14-50-00036).

Преобразования в России начала XX в. обусловили процессы модернизации среди алтайцев. В условиях трансформации социальных связей, традиционной культуры этнонациональная элита Горного Алтая начинает деятельность по конструированию идентичностей. Под этнонациональной элитой в данном исследовании понимается социальная группа, наделенная культурным капиталом, формирующая и транслирующая ценности и символы своей этнической группы. Именно в 1910-е гг. в Горном Алтае в рамках этнонационального дискурса местная элита обозначила основные символы идентичности алтайцев, рамки исторической памяти, к которым в 1990-е гг. обратилась творческая и научная элита региона. Изучение начальных этапов формирования этнонациональной идентичности алтайцев определяет актуальность данного исследования.

Целью данной статьи является анализ общественного дискурса Горного Алтая и выявление представлений этнонациональной элиты о путях развития аборигенного сообщества, об элементах, составляющих основу идентичностей алтайцев Горного Алтая; будет рассмотрен следующий за периодом, проходившим под влиянием Алтайской духовной миссии, этап становления алтайской идентичности; будут описаны основные направления этнонациональной политики, представлены основные элементы этнонациональной идентичности группы.

Данное исследование дополняет немногочисленный корпус работ, посвященных роли этнонациональной элиты Горного Алтая в формировании идентичности аборигенного населения региона [8; 9]. В ходе исследования впервые рассматривается деятельность местной элиты по формулированию путей этнокультурного развития группы, рамок исторической памяти в процессе социокультурной трансформации аборигенного